

Влияние Ахундова на развитие реалистической литературы и передовой общественной мысли Азербайджана и стран Ближнего Востока отмечено в книге крайне бегло. И совсем не касается М. Рафили воздействия традиций Ахундова на творчество и мировоззрение его последователей.

В монографии допущен и ряд фактических неточностей. На стр. 9 автор утверждает, что Вагиф был убит агентами иранского шаха. Однако давно уже известно, что убийцей этого талантливого поэта был Мамед-бек Джаваншир, брат карабахского хана Ибрагима, активно боровшийся против иранских захватчиков.

М. Рафили допустил ошибку, указав, что начало деятельности Ахундова в области смены арабского алфавита новым относится к 1857 году, в то время как в письмах, датированных 23 сентября и 12 ноября 1854 года и адресованных заведующему дипломатическим отделом в Тифлисе К. Ф. Лелли, Ахундов просил его послать в Турцию и Иран подготовленный им проект нового алфавита.

На стр. 211—214 автор говорит, что Ахундов, якобы прочитав отзыв Н. Г. Чернышевского об опубликованном им переводе стихотворения Вагифа в сборнике «Зурна», начал работать с вдохновением. Однако Ахундов никак не мог знать, что заметка эта принадлежала Н. Г. Чернышевскому, ибо она была опубликована без подписи автора и подлинный автор этой заметки был выяснен лишь в 1906 году сыном критика, М. Н. Чернышевским.

На стр. 180—181 М. Рафили утверждает, что Ахундов встретился с К. Закиром впервые в 1852 году. Тем не менее нетрудно заключить из произведений Закира, что он еще задолго до указанной М. Рафили даты встречался с Ахундовым. Количество подобных фактических поправок можно было бы увеличить. Неудовлетворительны и составленные к книге комментарии, так как в них имеют место повторения, а порой даже неквалифицированное толкование того или иного имени.

Однако эти частные недочеты не могут умалить значения монографии М. Рафили. Легким и доступным языком очерчен в ней сложный и интересный творческий путь основоположника азербайджанской реалистической литературы. Книга М. Рафили с интересом будет прочитана русскими читателями, а также читателями братских республик. Она, несомненно, поможет им составить отчетливое представление о величайшем писателе братского азербайджанского народа.

Н. МАМЕДОВ, А. БАГИРОВ

М. ГОРЬКИЙ И ГРУЗИЯ*

Вспоминая о своей жизни в Тбилиси, М. Горький не раз указывал на то, какую роль этот город и его люди сыграли в его творческой биографии. В 1931 году он писал: «Я никогда не забываю, что именно в этом городе сделан мною первый неуверенный шаг по тому пути, которым я иду вот уже четыре десятка лет. Можно думать, что именно величественная природа страны и романтическая мягкость ее народа — именно эти две силы — дали мне толчок, который сделал из бродяги — литератора» (т. 25, стр. 414).

* Б. Пирадов, У истоков творчества Максима Горького, Тбилиси, изд. «Заря Востока», 1957, 109 стр.; В. Имедадзе, Горький в Грузии, Тбилиси, изд. «Заря Востока», 1958, 235 стр.

Тема М. Горький и Грузия была поставлена давно. С 1903 года в печати главным образом Закавказья стали появляться заметки, письма, воспоминания, которые с разной степенью достоверности воспроизводили различного рода события тбилисского периода жизни А. Пешкова. Первым таким материалом явились записанные со слов прообраза героя рассказа «Мой спутник» воспоминания о том, как будущий писатель пришел в старый Тифлис¹.

Начало серьезному исследованию темы М. Горький и Грузия было положено уже в советскую эпоху, в 20-х годах, в связи с приездом великого писателя на родину из Италии, в период подготовки к празднованию 60-летия со дня его рождения.

В 1927 году на основе материалов, хранившихся в Музее революции Грузинской ССР, И. Груздев написал очерк «Горький в Тифлисе»². В 1928 году в Тбилиси был опубликован сборник документов «Дело о Максиме Горьком» с предисловием Ф. Махарадзе³. В том же году вышла небольшая книжка Э. Клейна «Горький в Тифлисе»⁴.

О том, как мало к этому времени было известно о людях, с которыми общался в Тбилиси молодой А. Пешков или которые привлекались вместе с ним по делу Ф. Афанасьева, свидетельствует хотя бы то, что к очень ценным документам, составившим сборник «Дело о Максиме Горьком», были даны пестрившие ошибками редакционные примечания (в этих примечаниях А. Богораз отождествлялся с писателем Тан-Богоразом, а Ф. Е. Афанасьев, товарищ А. Пешкова, живший с ним вместе в Тбилиси в коммуне на Красногорской улице, объединялся с другим революционером Ф. А. Афанасьевым⁵). Что же касается книжки Э. Клейна, то даже для того времени (1928 год) она не стояла на уровне научно-биографического исследования и вызвала отрицательные отклики печати⁶.

Тема «М. Горький и Грузия» нашла отражение и в книге Б. Бялика «О Горьком» (1947).

С тех пор как впервые были обнародованы архивные документы и появились первые работы на тему «Горький в Тифлисе», прошло тридцать лет. За это время в Государственном архиве Грузинской ССР обнаружены новые документы; историками революционного движения значительно более полно, чем прежде, изучен вопрос о тбилисских революционных кружках конца 80-х и начала 90-х годов и их участниках, наконец появилось большое количество воспоминаний, связанных с темой «Горький и Грузия», часть которых увидела свет впервые, другая же часть опубликована только в местной печати на грузинском языке.

¹ Рассказ С-зда опубликовала 30 октября 1903 года тифлисская газета «Новое обозрение»; 2 ноября 1903 года он появился в газете «Одесский листок».

² Журн. «Молодая гвардия», 1927, № 10.

³ «Дело о Максиме Горьком», Материалы Тифлисского губерн. жандарм. управления, Сахелгами, 1928.

⁴ Э. К л е й н, Горький в Тифлисе (По неопубликованным материалам), Тифлис, Изд. книжн. магазина Всегрузинского союза писателей, 1928.

⁵ На эти ошибки указал И. Груздев в своей книге «Горький и его время», т. 1, изд. 2-е, «Советский писатель», М. 1948, стр. 582.

⁶ Р. М., Как не следует писать биографии, газ. «Заря Востока», Тифлис, 24 марта 1928 года. Некоторые положения книги Э. Клейна опроверг сам М. Горький в письме к нему от 9 мая 1928 года. Письмо хранится в Архиве А. М. Горького. Приведено в книге Б. Бялика «О Горьком. Статьи», М. «Советский писатель», 1947, стр. 86.

Поэтому такой большой интерес вызывают две книги, вышедшие в Грузии на русском языке к 90-летию со дня рождения великого писателя.

Это книги Б. Пирадова «У истоков творчества Максима Горького» и В. Имададзе «Горький в Грузии».

Книга Б. Пирадова представляет собой расширенное воспроизведение его статьи «К истории ранних революционных связей А. М. Горького (Грузия, 1891—1892)»¹, сочувственно отмеченной нашей критикой². Б. Пирадов поставил своей задачей дать картину жизни общественных и литературных связей юноши А. Пешкова на пороге рождения писателя М. Горького и воспроизвести подлинную историю его первого литературного выступления.

Собрав и изучив большой архивный и мемуарный материал (многие документы и воспоминания современников вводятся им в научный обиход впервые), Б. Пирадов на страницах своей книги восстанавливает шаг за шагом путь, которым шел в Тифлисе будущий писатель (участие в народническом кружке М. Началова и В. Берви-Флеровского, отсюда — связь с рабочими, дружба с Ф. Афанасьевым и др.; вначале слушатель и участник дебатов на товарищеских встречах, затем пропагандист, обладающий незаурядными способностями убеждать своих собеседников, просто, на ярких примерах разъяснять им сложные вопросы политической жизни).

Б. Пирадов правомерно рассматривает пребывание А. Пешкова в Тифлисе как еще один пройденный им очень серьезный университет, оказавшийся значительной вехой его жизни не только потому, что именно в этом городе был напечатан первый рассказ М. Горького «Макар Чудра». Здесь, как об этом свидетельствуют привлекаемые исследователем материалы, установились и закрепились связи его с авангардом народа — передовыми рабочими. «Можно полагать, — делает вывод Б. Пирадов, — что наиболее важной «наукой», освоенной Горьким на своем опыте в период жизни в Тбилиси, была наука, которую ему преподали рабочие Главных железнодорожных мастерских» (стр. 41). Эта мысль, конечно, не новая. Она уже высказывалась в нашем горьковедении³. Но Б. Пирадов аргументировал ее свежими фактическими данными и соображениями, шире развил и развернул на большом и новом материале.

Исследователь подробно останавливается на характеристике жизни и условий труда тифлиских рабочих 80—90-х годов, на истории их организации и борьбы. Все это помогает ему нарисовать яркую картину обстановки, в которую попал молодой А. Пешков, поступив на работу в мастерские Закавказской железной дороги.

Б. Пирадов подбирает значительное число фактов (дружба с Масловым, впоследствии социал-демократом, знакомство с трагически погибшим Г. Читадзе, явно тяготевшим к марксизму, с передовым рабочим С. Аллилуевым), свидетельствующих о том направлении, которое могли получить и получили мысли юноши, решительно отталкивавшегося от народнических представлений и искавшего новых путей. Чрезвычайно интересны приводимые исследователем данные о знакомстве А. Пешкова с Ладом Кецховели и Миха Цхакая. Им привлечены новые документы для характеристики коммуны на Красногорской улице, которые дают автору возможность преодолеть туманную характеристику ее обитателей и посетителей как «революционной

¹ Сб. «Статьи о Горьком», М. 1957, стр. 3—88.

² См. журн. «Звезда», 1958, № 3; Журн. «Русская литература», 1958, № 1, и др.

³ См. Б. Бялик, О Горьком. Статьи, «Советский писатель», М. 1947; И. Груздев, Горький и его время, 1948.

молодежи» вообще и дать четкое представление о каждом из них и о том, чем в действительности занималась молодежь на общей квартире Ф. Афанасьева, А. Пешкова и В. Рохлина.

Интересны и материалы, свидетельствующие о роли коммуны, крепившей интернациональные политические и культурные связи передовой тифлисской молодежи, о первом знакомстве А. Пешкова с грузинской литературой, — именно здесь он лично общался с некоторыми ее талантливыми представителями.

Привлекает внимание приводимое Б. Пирадовым свидетельство известного грузинского общественного деятеля, журналиста и издателя И. Имедашвили, который слышал от будущего писателя следующие знаменательные слова: «Писатель тот, кто находит место в душе народа» (стр. 77).

Отводя в становлении мировоззрения А. Пешкова большую роль его связи с семьей передовых рабочих, Б. Пирадов отнюдь не недооценивает значения связей будущего писателя со старой народнической интеллигенцией, значительное количество представителей которой скопилось в Тифлисе ко времени его приезда в этот город.

Жизнь А. Пешкова в Тбилиси рисуется исследователем на фоне идейной, общественно-политической, экономической и культурной жизни Грузии, в частности старого Тифлиса 80—90-х годов прошлого столетия. Им приводятся интересные факты, свидетельствующие о русско-грузинских революционных и культурных связях. Так, например, опубликованными Б. Пирадовым документами подтверждается факт связи передовых людей Грузии с такими деятелями русского революционного движения, как Софья Перовская, Степан Халтурин и др. Убедительны предположения исследователя о связях, существовавших между большинством членов началовского кружка, например о связях по каторге А. Калюжного и такого известного грузинского общественного деятеля, как И. Джабадари.

Исследователь, собрав все, что было возможно, о членах началовского кружка (или кружка Берви-Флеровского, как называет этот кружок Б. Пирадов), изучив и сопоставив самые различные материалы, пришел к интересному выводу о наличии нитей, тянувшихся от революционных деятелей Поволжья, в частности и в особенности Н. Новгорода, к кружкам Тифлиса конца 80-х — начала 90-х годов. Об этом свидетельствует связь А. Калюжного с В. Короленко, переезд в Тифлис М. Началова, А. Чекина и др. В Тифлисе, как это явствует из материалов, приведенных в книге, А. Пешков с момента своего появления в городе оказался в среде людей, в большинстве своем близких к В. Короленко. Любопытно высказанное исследователем предположение о том, что путь в Тифлис А. Пешковым был избран не случайно и встречи с некоторыми старыми знакомыми в этом городе для него не оказались неожиданными.

Сведения о всех членах началовского кружка и характере их встреч дали возможность Б. Пирадову впервые детально проанализировать деятельность кружка, определить господствовавшее в нем направление и объяснить отношение будущего писателя к тем идеям, которые пропагандировались В. Берви-Флеровским.

До сих пор имя О. Каминской в литературе о М. Горьком упоминалось только в связи с историей его первой любви. Сам писатель, поэтически рассказывая о ней, рисует облик обаятельной молодой женщины, как будто далекой от каких бы то ни было революционных идей, мало интересующейся общественными вопросами. Б. Пирадову удалось обнаружить некоторые документы, свидетельствующие о том, что О. Каминская, ее муж Б. Корсак, М. Началов, А. Чекин, А. Пешков и др. принад-

лежали к одному и тому же кружку саморазвития в Н. Новгороде. Шестеро из членов этого кружка, в том числе и О. Каминская, через некоторое время оказались в Тифлисе и стали участниками собраний на квартире того же М. Началова. К сожалению, сведения, приведенные Б. Пирадовым об этой стороне жизни О. Каминской, чрезвычайно скудны.

Б. Пирадов дает более полную, чем его предшественники, характеристику А. Калюжного и указывает, как и они, на значительность той роли, которую он сыграл в жизни одаренного молодого человека, еще не определившего своего жизненного пути. В горьковедении на основе письма А. Калюжного к М. Горькому и его воспоминаний уже делались попытки опровергнуть представление о том, что именно А. Калюжный толкнул А. Пешкова на литературный путь и в этом смысле являлся его единственным настойчивым советчиком. Б. Пирадов окончательно разрушает легенду, которой долгое время были окружены обстоятельства рождения и появления в печати первого рассказа М. Горького «Макар Чудра», и указывает на несколько человек, поддерживавших тяготение юноши к художественному творчеству и помогавших появлению первого его произведения в печати. В числе их Б. Пирадов называет Н. Флерова, корректора газеты «Кавказ», и др.

Очень важно уточнение, которое вносит исследователь в характеристику газеты «Кавказ», первой предоставившей свои страницы М. Горькому-художнику. И. Груздев, идя по стопам А. Калюжного, называет газету «Кавказ» «сухим и чопорным официозом наместника Кавказа»¹. Б. Пирадов, тщательно проследив историю этой газеты, устанавливает, что именно к тому времени, когда был опубликован рассказ М. Горького «Макар Чудра», в деятельности газеты «Кавказ» «наметились тенденции, идущие вразрез с официальными установками» (стр. 104) настолько, что в 1892 году она «пыталась публиковать даже материалы о Карле Марксе и Энгельсе» и своими «статьями и самостоятельными суждениями... вызвала недовольство у самого царя» (стр. 106). Неслучайным Б. Пирадов считает и то, что как раз в 1891—1892 годах, когда редактором газеты был Милютин, в редакции «Кавказа» нашли себе приют такие «политически неблагонадежные», с точки зрения правительства, лица, как находившийся под полицейским надзором Владимир Цветницкий — фельетонист, Николай Флеров — корректор, Степан Казанский — хроникер и некоторые другие «поднадзорные» (стр. 107).

В этом свете естественным выглядит факт появления именно на страницах «Кавказа» рассказа М. Горького «Макар Чудра», «в котором в слегка завуалированной форме ясно и громко прозвучал призыв к свободе человеческой личности» (стр. 104).

Любопытны сведения, приводимые Б. Пирадовым о зародившейся уже в Тифлисе у А. Пешкова идее народного передвижного театра, о его попытках организовать странствующую труппу, о связях А. Пешкова с тифлисской газетой «Новое обозрение» и т. д.

Широко документируя свою книгу, исследователь опровергает некоторые бытовавшие версии и точно устанавливает несколько памятных горьковских мест в г. Тбилиси (первое убежище А. Пешкова в Тифлисе, адрес дома Данько и др.).

Хорошей книге Б. Пирадова, построенной на обширном, большей частью свежем материале, недостает живости изложения. Она несколько суха, местами даже протокольна. В отдельных случаях автор ограничивается только приведением документов,

¹ И. Груздев, Горький и его время, т. 1, стр. 389.

почти не комментируя их. Но и при всем этом его книга — серьезный, интересный труд, намного обогащающий представления о М. Горьком 1891—1892 годов.

В. Имедадзе в книге «Горький в Грузии» поставил перед собой задачу проследить историю отношений писателя к Грузии и нарисовать картину всех посещений им этой страны (с 1892 по 1929 год).

Название «Горький в Грузии» уже того богатого материала, который лежит в основе книги В. Имедадзе. Автор, прослеживая грузинские связи М. Горького, выходит за пределы времени пребывания писателя в Тбилиси и других местах Грузии.

И материалы и позиция В. Имедадзе в описании ряда событий, происшедших во время пребывания писателя в Тифлисе в 1892 году, во многом совпадают с тем, что мы находим в книге Б. Пирадова (характеристика газеты «Кавказ», уточнение вопроса о роли А. Калюжного в первом значительном шаге А. Пешкова на пути его писательского становления, оценка людей, в обществе которых он оказался, очутившись в Тифлисе, и т. д.). Но это не заимствование, а свидетельство единства пути, по которому идут оба исследователя.

Касаясь первого пребывания Горького на Кавказе, В. Имедадзе кое-чем дополняет Б. Пирадова, а в отдельных случаях и опровергает его вновь обнаруженным материалом. Так, например, он приводит свидетельство современника, которое дает возможность утверждать, что А. Пешков принимал участие не только в работе библиотеки О. Кайдановой, но и марксистской подпольной библиотеки в Чугурети (имеется в виду библиотека будущего видного деятеля Советского государства А. М. Лежавы), и именно отсюда, судя по всему, исходили его связи с М. Цхакая или Филиппом Махарадзе. Интересна догадка В. Имедадзе о том, кто же был тот тбилисский друг писателя, о котором он несколько позднее писал в рассказе «Красота». Исследователь предполагает, что это собирательный тип, навеянный образами Берви-Флеровского, А. Калюжного и Н. Флерова.

Б. Пирадов утверждает, что «после 1905 года О. В. Кайданова была вынуждена покинуть Тбилиси» (стр. 95). В. Имедадзе, используя данные газеты «Цнобис пурцели» (12 сентября 1900 года), на страницах которой описывались общественные проводы О. Кайдановой в Москву, уточняет время ее отъезда из Тифлиса, а именно — 1900 год.

Если над материалами первого пребывания Горького в Тбилиси до В. Имедадзе работал ряд исследователей, то он является пионером изучения последующих посещений писателем Грузии и его связей с ее культурой (в качестве исключения может быть названа только глава «Горький и Марджанишвили», так как вопрос о взаимоотношениях этих двух деятелей русской и грузинской культур — правда, на более ограниченном материале — уже ставился, например, В. Смирновым и некоторыми другими).

По письмам, статьям, произведениям писателя и по воспоминаниям разных лиц В. Имедадзе собрал большое количество данных, которые свидетельствуют об отношении Горького к Грузии, ее природе, общественной жизни, культуре, людям, литературе.

На тесную связь с Горьким передовой революционной общественности Закавказья, на силу влияния его художественного творчества указывают многие факты, приведенные в книге В. Имедадзе: отклик газеты «Брздола» на события, вызванные высылкой великого писателя из Н. Новгорода, защита преследуемого Горького в грузинской прессе, эпиграф из «Песни о Соколе» в прокламации, выпущенной Бакин-

ским комитетом РСДРП в связи с убийством Ладо Кецховели (1903), перефраз строки «Песни о Буревестнике» в грузинской с.-д. публицистике — «Пусть сильнее грянет гром» (из прокламации тифлисского комитета) и др.

В книге В. Имедадзе есть несколько интересных догадок и находок. Так, например, он высказывает убедительные соображения о том, что автором биографического очерка о Горьком, предпосланного сборнику его рассказов, который должен был выйти на грузинском языке (1902), но не увидел света, так как был задержан цензурой (как предполагает исследователь — из-за этого очерка), — являлся старый знакомец писателя по коммуне на Красногорской улице Сергей Робакидзе.

Чрезвычайно любопытны приведенные В. Имедадзе воспоминания С. Гаришвили, которые дают возможность предположить, что Горький во время своего заключения в Метехи общался с Ф. Афанасьевым при помощи тюремного телеграфа.

Благодаря новым данным, привлекаемым В. Имедадзе, некоторые бытовавшие ранее предположения можно считать теперь окончательно установленными фактами; к их числу относится вопрос о знакомстве Горького с замечательным грузинским артистом Ладо Месхишвили.

Обилие найденного и осмысленного нового материала дает возможность автору книги ввести в обиход горьковедения ряд фактов, имеющих немалое биографическое, историко-революционное и литературное значение. Так, например, интересны сведения о конспиративной встрече Горького в Кутаиси в 1903 году с революционными кругами грузинской интеллигенции (воспоминания доктора П. Дондарова). В этой встрече участвовали Алеша Джапаридзе и Филипп Махарадзе. Не менее значительно и приводимое В. Имедадзе свидетельство М. Гурешидзе о том, какую помощь Горький оказывал грузинским революционерам. При содействии писателя сам М. Гурешидзе вместо административной ссылки попал за границу. В. Имедадзе, ссылаясь на воспоминания М. Гурешидзе, воспроизводит приведенное в них неизвестное письмо Горького.

На страницах книги В. Имедадзе можно найти ряд эпизодов, свидетельствующих об интересе Горького к памятникам грузинской архитектуры, к классической и современной грузинской литературе, о его стремлении сделать грузинскую литературу достоянием русского читателя.

Исследователь приводит данные о том, что грузинским органам печати до революции иногда удавалось поместить «на своих страницах даже запрещенные царской цензурой произведения» Горького (стр. 140). В качестве примеров он ссылается на публикацию «Весенних мелодий» грузинской газетой «Шрома» и на появление в грузинском журнале «Квали» запрещенного цензурой после публикации его в «Нижегородском листке» рассказа М. Горького «Перед лицом жизни».

Интересны сообщения В. Имедадзе об откликах грузинской критики на произведения Горького. Так, например, он указывает на статью И. Гомертели (1901), автор которой одним из первых опровергал распространенное тогда представление о Горьком как писателе, идеализирующем босячество. Исследователь приводит рецензии двух тифлиских газет на постановку пьесы Горького «Мещане». Рецензии эти примечательны тем, что в них правильно трактуется образ Нила как «представителя нового мировоззрения», который «своей крепкой рукой и ясным умом... добьется всего, сокрушит все препятствия» (газ. «Иверия», 1902, № 74). Рецензент «Нового обозрения» (1902, № 6023 и 6025) пишет о Ниле как о «трезвом рабочем-машинисте, весело и бодро распутывающем жизненную загадку».

На материале дореволюционных постановок пьес Горького автором книги показано значение его драматургии для развития грузинского театрального искусства.

Рисуя картину духовной близости великого русского писателя к грузинской советской общественности, В. Имедадзе использует тбилисские газеты 1928 и 1929 годов и интереснейшие воспоминания людей различных профессий (Ш. Радиани, П. Кешелава, К. Кекелидзе и др.).

В содержательной книге В. Имедадзе есть, к сожалению, и промахи и недостаточно обоснованные, а в отдельных случаях и неверные суждения. Так, например, вряд ли время создания М. Горьким рассказа «Макар Чудра» можно безоговорочно называть «периодом глухой реакции» (стр. 40). Явно несостоятельна попытка автора представить юного А. Пешкова в спорах с В. Берви-Флеровским чуть ли не законченным марксистом (стр. 11). Ничем не подкреплено соображение исследователя о том, что одной из причин поездки Горького на Кавказ (в 1900 году) вместе с Чеховым и др. было желание встретиться с революционными рабочими Тифлиса.

Хорошо показав роль Горького — доброжелателя, помощника и советчика грузинских литераторов, организатора переводов грузинской литературы на русский язык, — В. Имедадзе все-таки не сумел достаточно глубоко раскрыть его творческое влияние на грузинских писателей.

Две книги о Горьком и Грузии, с которыми познакомило русского читателя грузинское издательство «Заря Востока», заметно расширяют наше представление о великом русском писателе. Из них можно многое узнать о пребывании Горького в Грузии, о той роли, которую эта прекрасная страна сыграла в его идейном и художественном развитии, и о той роли, которую он сам сыграл в упрочении русско-грузинских революционных и культурных связей.

Л. ЖАК

БЕЗ БУДУЩЕГО

Недавно в Швеции вышла книга «Райнис и Аспазия. Воспоминания и размышления», принадлежащая перу лидера латышских меньшевиков Ф. Циелена. Рассматривать подробно этот труд, дающий более чем достаточно материала для разоблачения фальсификаторов творчества нашего народного поэта, нет смысла. Лишний раз он иллюстрирует крайнюю идейно-политическую тенденциозность буржуазной литературной критики. Отметим здесь лишь несколько моментов, обнажающих «концепцию» автора.

Прежде всего личность жены Райниса освещается в книге так, что сам Райнис предстает в виде ее жалкой тени. Ф. Циелен изо всех сил старается доказать, что не будь Аспазии — не было бы и Райниса. Отдавая должное Аспазии как поэтессе и драматургу — мы имеем в виду прежде всего ранний период ее творчества, — нельзя не протестовать самым категорическим образом против подобной трактовки ее роли в творческой судьбе Райниса. В основе этих утверждений — вовсе не исторические документальные факты, а некие измышления субъективно-психологического характера на основе высказываний тщеславной поэтессы. Ф. Циелен цитирует слова Аспазии о том, что-де без ее «вдохновения» не родились бы «Огонь и ночь», что именно она «открыла, выпестовала и поддержала» Райниса, не способного творить без ее совета и участия. В каждом произведении Райниса автор «Воспоминаний и размыш-